

Борьба с «отравителями» в холерном Петербурге*

Александр Егоров

Петрозаводский государственный университет;
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН;
Петрозаводский техникум городского хозяйства,
Петрозаводск, Россия

Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg

Alexander Egorov

Petrozavodsk State University,
Institute of Linguistics, Literature, and History of the Karelian
Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk College of Urban Economy,
Petrozavodsk, Russia

This article examines an underexplored episode in the history of the cholera riots – the ‘hunt for the poisoners’ which happened in St Petersburg in June 1831. This relevance of the topic is determined by the importance of studying the population’s behavior during an epidemic crisis, challenging both the authorities’ ability to stabilize the situation and the possibility of dialogue between them and society. Based on newly-introduced archival sources, the paper attempts to reconstruct the events of June 24–25, 1831 – essential for an understanding of the subsequent developments in Russia, but which have been overshadowed by the cholera riots of June 21–22, 1831, well described by contemporary sources. The cholera outbreak in the imperial capital in mid-June 1831 sparked popular discontent with anti-cholera measures, culminating in attacks on the city’s cholera hospitals. After a temporary respite following the events of June 22 on Sennaya Square, the riots erupted with renewed vigor but with a change in form and substance. On June 24 and 25, instead of attacking hospitals in large crowds, the rioters sought out alleged ‘poisoners’ detaining and handing them over to the authorities on suspicion of having poisoned food and water. Amongst part

* Citation: Egorov, A. (2023). Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 524–540. DOI 10.15826/qr.2023.2.803.

Цитирование: Egorov A. Fighting Against the ‘Poisoners’ in Cholera-Stricken Petersburg // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 524–540. DOI 10.15826/qr.2023.2.803 / Егоров А. Борьба с «отравителями» в холерном Петербурге // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 524–540. DOI 10.15826/qr.2023.2.803.

of the population, this poisoning was considered the real cause of the deaths attributed by doctors and the authorities to cholera. These events of June 24–25 have received little attention from researchers. But it was the St Petersburg ‘hunt for poisoners’ that provided a model for Russia’s ‘cholera panic’ of July 1831, during which the population sought to battle the alleged malicious poisoners. The panic caused a series of mass riots in the European part of Russia. The most violent events during the unrest were the bloody mutinies of military settlers in Novgorod province. The events of June 24–25 in St Petersburg played a significant role in the emergence of the cholera panic in Russia in the summer of 1831.

Keywords: epidemic, cholera, cholera riots, St Petersburg, 1831, rumors, panic

Статья посвящена малоизученному эпизоду истории холерных бунтов, «охоте за отравителями», которая развернулась в Петербурге в июне 1831 г. Актуальность темы определяется важностью изучения поведения населения в кризисных эпидемических ситуациях, тестирующих на прочность как способность власти стабилизировать ситуацию, так и возможность диалога между властью и обществом. На основе впервые вводимых в оборот архивных источников реконструируются события 24–25 июня 1831 г., важные для понимания последующей истории России, но оказавшиеся в тени холерных бунтов 21–22 июня 1831 г., хорошо описанных современниками. Холера, появившаяся в столице империи в середине июня 1831 г., вызвала недовольство населения противохолерными мероприятиями, которое достигло кульминации во время нападений на холерные больницы города. Вслед за событиями 22 июня на Сенной площади после временной передышки беспорядки вспыхнули с новой силой, изменив направленность. 24 и 25 июня вместо нападения на больницы участники беспорядков стали искать, задерживать и сдавать властям предполагаемых «отравителей», а именно людей, которых подозревали в отравлении пищи и воды. Отравление стало считаться среди части населения причиной тех смертей, которые объяснялись властями и врачами действием холеры. Эти события не привлекли серьезного внимания исследователей, хотя петербургская «охота за отравителями» послужила прообразом «холерной паники», начавшейся в России уже в июле 1831 г., во время которой население боролось с предполагаемыми злоумышленниками-отравителями. Паника вызвала серию массовых беспорядков в Европейской части России, самыми жестокими из которых были кровавые бунты военных поселян Новгородской губернии.

Ключевые слова: эпидемия, холера, холерные бунты, Санкт-Петербург, 1831 г., слухи, паника

Летом 1831 г. по России прокатилась волна так называемых холерных бунтов, вызванных распространением слухов, приписывающих болезнь и высокую смертность деятельности злоумышленников. Агрессивные слухи и связанные с ними вспышки насилия наблюда-

лись во многих губерниях Европейской части России¹. Один из самых крупных и известных бунтов произошел в столице империи Санкт-Петербурге.

Авторы, писавшие об этих событиях, делали основной акцент на событиях 21–22 июня 1831 г., достигших своего апогея в бунте на Сенной площади, и на полуполюгендарном выступлении императора Николая I перед народом [McGrew; Каратыгин; Гессен; Барабанова; Пржецлавский; Селиванов; Ховен; Холера в Петербурге]. Однако беспорядки, произошедшие уже после Сенной, недооценивались современниками, потомками и исследователями. Между тем, именно события, последовавшие сразу после бунта на Сенной площади, сыграли важную роль в эскалации насилия в России холерным летом 1831 г., предвосхитив их на содержательном уровне.

Цель статьи – рассмотрение событий бунтов в Петербурге, последовавших после массовых беспорядков на Сенной площади 22 июня 1831 г. Причины, особенности и последствия явления, которое можно обозначить как борьбу с «отравителями», изучены на основании документов III отделения и военного ведомства, которые еще не вводились в научный оборот, но имеют ключевое значение при реконструкции данных событий [ГАРФ. Ф. 109; РГВИА. Ф. 36].

Холера появилась в Петербурге 13 июня 1831 г. [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 171. Д. 129. Л. 5 об.], вызвав серию правительственных решений о противодействии опасной болезни. Однако меры, принятые властями для борьбы с ней, вызвали недовольство населения [MacGrew, p. 109; Барабанова, с. 133]. Оно сопровождалось различными толками по поводу холеры, появившимися в столице почти сразу после появления болезни в городе. Многие отрицали существование болезни, объясняя гибель людей злым умыслом властей, врачей и иностранцев. Постепенно народные толпы стали собираться вокруг холерных больниц, в которых якобы убивали невинных людей [Никитенко, с. 107; Гессен, с. 24; McGrew, p. 110–111]².

21–22 июня по Петербургу прокатилась серия нападений на холерные больницы и повозки для перевозки холерных больных. Медицинский персонал подвергался избиениям, находившихся в больницах и повозках людей «спасали» от врачей, отправляя их домой [Каратыгин, с. 51–61; Гессен, с. 21–28; Никитенко, с. 107–108; McGrew, p. 111]. Кульминацией этих событий стал знаменитый холерный бунт на Сенной площади 22 июня, когда многотысячная толпа атако-

¹ Пандемия холеры вызвала волну слухов и насилия по всей Европе. См.: [Рюде, с. 231; Evans, p. 131, 136–139].

² Реакция населения Петербурга на противоэпидемические мероприятия властей не была уникальной. Аналогичное поведение описано Дэвидом Арнольдом на материале эпидемии чумы в колониальной Индии в конце XIX в., когда чрезмерное вмешательство британских властей и медиков вызвало недовольство населения и распространение разнообразных слухов, провоцировавших в том числе и агрессивное поведение [Arnold, 1988].

вала и разгромила холерную больницу в Таировском переулке, убив ее старшего врача Земана. Ситуация заставила вмешаться императора Николая I, который 23 июня выступил перед народом на Сенной площади, призывая к порядку [McGrew, p. 112–113; Жуковский, стб. 343–344]. Сразу после бунта на Сенной 23 июня власти смягчили санитарный режим в столице. Отменялась принудительная госпитализация заболевших, в больницы принимались люди только по их желанию, вводились попечители «из каждого сословия». Полиция была лишена чрезвычайных полномочий в деле борьбы с холерой [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 5–5 об.]

События 21–22 июня в Петербурге по своему содержанию были очень похожи на события в Тамбове 18 ноября 1830 г., когда толпа разгромила холерную больницу, полагая, что в ней под предлогом борьбы с холерой врачи «режут» людей [Канищев, Мещеряков, Яковлев, с. 185–188; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 170. Д. 225. Л. 8 об.]. Летом 1892 г. аналогичные события произошли в Астрахани [Колпенский] и Саратове [Визе]. В международном контексте события в Петербурге 21–22 июня имеют много общего с холерными бунтами в Ливерпуле в мае и июне 1832 г., когда толпы горожан атаковали холерную больницу города и повозки, в которых перевозили больных [Burrell, Gill, p. 484–486].

Все эти события объединяла уверенность погромщиков в том, что в больницах врачи убивают людей³. Соответственно, главным объектом нападения толпы были больницы и их медицинский персонал. Холерные беспорядки в регионах России осенью 1830 г. и в Петербурге 21–22 июня 1831 г. были связаны с агрессией против предполагаемых злодеяний врачей. Население инстинктивно искало конкретного врага, уничтожив которого, можно было устранить причину трагедии. Тем самым снималось ощущение беспомощности и растерянности перед опасностью.

Принято считать, что после выступления императора и введения войск в столицу беспорядки в городе пошли на спад и пик бунтов был пройден [McGrew, p. 112–113; Гессен, с. 28; Барабанова; Каратыгин, с. 61]. Однако то, что произошло в столице после 22 июня, по своим последствиям оказалось гораздо опаснее бунта на Сенной площади, поскольку послужило прообразом и одной из причин для холерной паники, охватившей обширные территории Европейской части России, в центре внимания которой были уже не больницы, а другой источник опасности – «отравители».

³ Участники этих беспорядков называли разные способы предполагаемого убийства пациентов: людей якобы резали, варили заживо в кипятке, «закуривали» или морили до смерти, клали в гробы и хоронили еще живыми. Эти способы убийства соответствовали неправильному истолкованию населением способов лечения холеры и последствий самой болезни: кровопускание («режут»), применение ванн («варят») и специальных паровых кроватей («закуривают» до смерти), использование в лечении определенных лекарств в жидкостях и порошках, а также извести для дезинфекции («травят»), посмертные сокращения мышц жертв холеры («хоронят живыми»). Согласно одной легенде, бунт на Сенной площади начался с крика кучера: «Живых хоронят, проклятые!» [Каратыгин, с. 56].

Начальник 1-го округа корпуса жандармов П. И. Балабин докладывал А. Х. Бенкендорфу 25 июня 1831 г.:

С некоторого времени разнеслись по городу слухи, будто бы ходят несколько злоумышленных людей, которые подмешивают в питье и пищу ядовитые вещества. Вчерашнего числа (то есть 24 июня. – А. Е.) в 5 часов пополудни дали мне знать, что народ взял четырех подозрительных в таковом злонамерении и представил их на Сенную гауптвахту. Хотя слухи сии казались мне сомнительными, но как в настоящее время не должно ничего подобного из виду упускать, то я, чтобы собрать точнее об этом сведения, сам поехал на Сенную площадь. Ехавши туда, я замечал по улицам, что *народ опять в некотором волнении* (курсив мой. – А. Е.). Приехав к гауптвахте, я спросил, действительно ли народ представил 4-х человек, на что мне отвечали, что уже не 4-х, а беспрестанно чернь водит людей; что и при мне продолжалось: приводили разного звания людей совершенно избитых, и народ кричал, что у них есть яд; между тем как иной кроме бумаг, ему принадлежащих, и предохранительных от болезни лекарств ничего при себе не имел. Из сего усмотрел я, что народ под видом отыскивания злоумышленников делает одно буйство [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 2–3].

Согласно двум спискам, составленным властями 29 июня и 5 июля 1831 г., количество лиц, задержанных и содержавшихся в Петропавловской крепости по делу об июньских беспорядках, превышало 200 чел. При этом данные списки очень точно показывают содержание тех июньских событий в Петербурге. Людей, содержащихся в списках, можно разделить на две большие группы. Первая группа – лица, задержанные властями за нападения на больницы 21–22 июня. Вторая группа – лица, задержанные 24–25 июня самим народом по подозрению в отравлениях и польском происхождении. В первой группе основу задержанных составляют представители народных низов, во второй уже больше иностранцев и нерусских подданных империи [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346].

Имеющиеся источники позволяют утверждать, что беспорядки в столице не прекратились 22 июня на Сенной площади. Напротив, 24 июня они возобновились уже в новой форме. В Петербурге 24 июня фактически началась массовая охота на «отравителей». Как следует из списков, схема охоты была следующей: толпа задерживала, обыскивала и избивала людей. Основанием для подобных действий было подозрение, что прохожий является «отравителем» и/или «поляком». После обыска и избивания толпа отдавала задержанных представителям власти [Там же. Л. 72–72 об., 74, 85 об., 87, 125].

Для подтверждения приведем эпизоды задержаний: Николай Аланд, бывший студент казанской гимназии, был взят 24 июня патрулем лейб-гвардии Гренадерского полка «за рассыпание белого по-

рошка в мелочных лавках». «В кармане у него были найдены селитра и кремортартыр, которыми он лечился от венерической болезни» [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 47 об.].

Дворовый человек Гавриил Гайдуков был «взят патрулем лейб-гвардии Павловского полка в Московской улице за то, что в мелочные лавки сыпал на овощи порошок». На допросе он показал, что «был взят на Моховой в мелочной лавке, где завтракал. Он был обыскан чернью, но никакого ядовитого вещества у него не найдено» [Там же]. Шляхтич Могилевской губернии Иван Гаврилович

...24 июня в 7-м часу вечера близ крепости почувствовал головокружение и стал нюхать уксус и тереть виски мятным спиртом, полученным от доктора. Народ, заметив, что Гаврилов[ич] держит в руках две склянки, окружил его и начал бить. Команда солдат, выйдя из лагеря, защитила его и проводила в крепость [Там же. Л. 100].

Уроженец Ревеля Карл Йоган Кальман был приведен с Сытного рынка толпой народа «с найденными у него ядом и фальшивым паспортом». Выяснилось следующее:

25 июня в 10 часов утра Кальман был пойман, при обыске у него нашли состав, признаваемый ядом. При сем случае взволновавшийся народ покушался Кальмана бить, но мещанин Филатов как человек, многими уважаемый, старался вразумить толпу и предложил представить [Кальмана] начальству. Кальман был приведен в лагерь, расположенный близ Сытного рынка, откуда вместе с Филатовым отправлен в крепость.

Экспертиза показала, что подозрительные вещества, найденные у Кальмана, оказались «камфорой, табаком и ртутиальной мазью» [Там же. Л. 46 об.].

Интересный случай произошел с задержанным саксонским подданным Сюзсом. Выяснилось, что он сидел в штофной лавке вместе с коллежским регистратором Иваном Анисимовым, который предложил Сюзсу всыпать в стакан находившийся у него белый порошок. Саксонец не согласился и объявил об этом случае стоявшему у Нарвской заставы караулу, который сразу же задержал самого Сюзса [Там же. Л. 48 об.].

Среди случаев поимки «отравителей» выделяются два эпизода, которые привлекли особое внимание следствия и по которым есть больше подробностей.

Первый случай произошел с мещанином Иваном Чичигиным, сидельцем москательной лавки. Он был задержан 25 июня за то, что «неизвестной женщине, несшей близ Воскресенского моста воду, предлагал 80 к[опеек] за то, чтобы позволила ему напиться, при обыске найдена у него в куске сулема и 78 р[ублей] 72 к[опейки] денег» [Там же. Л. 48]. На допросе Чичигин показал следующее:

Возвращаясь с Охты, куда ходил для свидания с земляком, которого, однако, не успел отыскать, забыв, где именно его квартира, и пройдя Воскресенский мост в самое жаркое время около 2 часов пополудни, спустился на плот и попросил у незнакомой женщины напиться. Когда же она в том ему отказала, то он, томимый жаждой, предложил ей за ковш воды гривенник – и тотчас был окружен толпою черни, которая, обыскав, нашла у него завернутый в бумагу кусок сулемы и, причинив ему жестокие побои, отвела под караул.

На вопрос о том, откуда у него столь ядовитое вещество, он ответил, что «взял сулему из лавки хозяина своего купца Гурьева, торгующего москательными товарами, и намерен был употребить оную как лекарство от ломоты в ногах» [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 48].

Генерал А. Н. Потапов, председатель комиссии по расследованию июньских беспорядков в столице, отмечал, что

...сбивчивость и торопливость в ответах, дальний путь на Охту, куда, несмотря на ломоту в ногах, ходил он для сомнительного свидания с земляком, странность предложения денег за ковш воды, и наконец найденное у него ядовитое вещество хотя не обличает его в преступном умысле, но делает чрезвычайно подозрительным [Там же. Л. 48–48 об.].

Кусок сулемы, найденный у И. Чичигина, был отправлен на химический анализ [Там же. Л. 48 об.]⁴.

Второй случай связан с чиновником Терлецким. 25 июня у Красного кабака народом был задержан и отведен на гауптвахту титулярный советник Терлецкий, который сидел на колодце с двумя маленькими пузырьками с неизвестным составом [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 61. Д. 286. Л. 4]. Терлецкий был доставлен в Петропавловскую крепость [Там же. Л. 23], а пузырьки подвергнуты исследованию. Экспертиза показала, что в одной склянке оказался «предохранительный уксус, известный под именем “уксус 4-х разбойников”», во второй – «средний сорт мадеры» [Там же. Л. 9]. Согласно результатам экспертизы, не было открыто «никаких примесей минеральных тел и химических составов, и ни опийных, ни синильнокислотных препаратов» [Там же]. Терлецкий просидел в заключении 36 дней и после допросов в следственной комиссии был оправдан и отпущен на свободу [Там же. Л. 23–24]⁵.

Среди задержанных 24–25 июня выделяется группа людей, которые были задержаны потому, что толпа заподозрила их в «польском» происхождении («за поляка»):

⁴ Дальнейшая судьба И. Чичигина неизвестна.

⁵ Власти не оставили Терлецкого в покое – за ним был учрежден временный полицейский надзор, «поскольку [он], по частным сведениям, оказался человеком неблагонадежным» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 61. Д. 286. Л. 21, 29].

Васильев Василий, отставной титулярный советник. 24 числа взят у Аничкова моста мужиками по подозрению за поляка и отведен в ордонансгауз [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 72].

Тирытин Александр, титулярный советник. 24 числа взят на Толкучем рынке мужиками – они признали его за поляка, обыскали, нанесли несколько ударов и отправили на гауптвахту [Там же. Л. 72 об.].

Лангамер Петр, отставной корнет. 24 числа шел у Толкучего рынка и, будучи толпой народа признан за поляка, часу в 4-м пополудни взят и отведен на гауптвахту Сенной площади [Там же. Л. 74].

Раховский Иван, киевский дворянин. 24 июня был принят за поляка мужиками и сильно избит. Он был отбит у народа жандармами в 4-м часу после обеда и посажен на гауптвахту, потом – в крепость [Там же].

Дамберг Емануил, финляндский уроженец из Выборга. 24 июня на Сытном рынке схвачен мужиками по подозрению за поляка, избит и представлен в петербургскую часть [Там же. Л. 85 об.].

Альгерер Иоган Вильгельм, булочник из Пруссии. Прибыл 23 июня в Петербург из Пскова. 24 июня на Толкучем рынке был схвачен мужиками, [будучи принятым] за поляка, избит и отправлен на гауптвахту [Там же. Л. 87].

Рудович Бернард, портной, уроженец Варшавский, крещеный еврей. 24 июня у Семеновского моста схвачен народом за поляка, в чем сам признался, избит и по совету мимошедшего офицера скрылся на гауптвахту Сенной площади [Там же. Л. 101 об.].

Мятелев Павел, присяжный. 24 июня остановлен был двумя пьяными мужиками по подозрению за поляка, и когда он старался освободиться от них, то собралась толпа народа, избивала его против ассигнационного банка и отвела на гауптвахту Сенной площади [Там же].

Шаров Василий, сын титулярного советника, взят на Васильевском острове 25 июня против Академии художеств толпою черни, которая обыскивала его и била, приняв за поляка [Там же. Л. 42].

Яковлев Александр, крещеный еврей, портного цеха мастер. Взят у церкви Преображенского собора отставным унтер-офицером Семеном Животовым, проживающим на Песках в Манежной улице [Там же. Л. 47].

Расследование показало, что портной был задержан на паперти Преображенского собора 25 июня в обеденное время. Яковлев спра-

шивал сторожа о знакомом священнике. Сторож посчитал его поляком, обыскал и отвел в ордонангауз [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 47].

Были и редкие случаи, когда задержанного одновременно считали «поляком» и доктором [Там же. Л. 46, 99], а также эпизоды, по которым есть основания полагать, что легенда о национальном «польском» мотиве задержания придумывалась самим задержанным, чтобы избежать наказания за другие преступления или за «буйство» [Там же. Л. 79 об., 86 об.].

Здесь стоит особо отметить, что подозрение «за поляка» также означало подозрение в отравлении. Ведь «поляков», за которых могли принимать любых подозрительных людей, задерживали по той причине, что они считались тогда одними из главных «отравителей» [Пржецлавский, с. 698].

В рассмотренных выше многочисленных эпизодах можно увидеть характерные основания, по которым люди задерживались. Также эти эпизоды демонстрируют, что не только представители народных низов, но и сами власти всерьез воспринимали возможность массовых отравлений в Петербурге, будучи малоинформированными. В противном случае задержанные по подозрению в отравлениях отпускались бы незамедлительно, а не содержались в крепости. Изменение «тактики» 24–25 июня было существенным: от нескольких больших толп, собравшихся около больниц, участники беспорядков перешли к множеству меньших по количеству групп людей (в источниках все равно именуемых «толпами»), рассеявшихся по городу в поисках «отравителей». Самой очевидной причиной изменения объекта агрессии было то, что власти взяли холерные больницы под защиту введенных в столицу войск, рассеяли большие толпы и наглядно показали, что массовые беспорядки будут подавлены, однако это не уничтожило панические настроения и ощущения бездействия властей относительно причины возникновения эпидемии. Поэтому погромщики разошлись в поисках других объектов для агрессии.

Большую роль в изменении характера действий толпы сыграл также и медицинский фактор. Несмотря на то, что холера в Петербурге появилась в середине июня, интенсивный рост числа заболевших начался в большинстве городских районов только с 22–23 июня [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 171. Д. 129. Л. 3–6]. Этот заметный рост нельзя было объяснить только злоупотреблениями врачей в больницах, тем более что часть больниц была разгромлена, а власти перестали насильно забирать людей в лазареты. Люди умирали теперь везде и повсеместно, не только в больницах, и прежнее конспирологическое объяснение не работало. Симптомы холеры, по наблюдению людей, совпадали со знакомыми всем симптомами отравления⁶. Поэтому смертность стали приписывать именно отравлению.

⁶ Холера поражает желудочно-кишечный тракт, вызывая рвоту и диарею. См.: [Покровский, Малеев, с. 3].

В городе распространились слухи⁷ об отравлении, которые сыграли значительную роль в эскалации беспорядков⁸. Слух о том, что смертность в дни холерной эпидемии вызвана ничем иным, как отравлениями, организованными злоумышленниками, не был для России новым. Подобные слухи бытовали в России и осенью 1830 г. как минимум в южных регионах страны и в Поволжье [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 22. Л. 1–7; Оп. 170. Д. 214. Л. 1–29] и в начале лета 1831 г. в Архангельске [Там же. Оп. 6. Д. 359. Л. 1–1 об.]. В то время они не были активными и не вызывали массовых беспорядков. Ближе по времени к петербургским событиям слухи об отравлении могли получить один из своих истоков от домыслов, окружавших смерть фельдмаршала И. И. Дибича и великого князя Константина Павловича⁹ [McGrew, p. 105–106].

О смерти великого князя Константина Павловича было объявлено непосредственно перед началом бунтов в Петербурге [Северная пчела, 1831, 22 июня]¹⁰, и такое совпадение по времени могло быть неслучайным. В информации о смерти Константина было сказано, что он умер от холеры. Если допустить, что народ не верил в существование этой болезни и приписывал смертность отравлениям, то он мог истолковать диагноз как доказательство того, что Константин тоже был отравлен. А поскольку Константин был популярен в народе и погиб в Польском крае во время восстания против России, сообщения о смерти князя могли вызвать негативную массовую реакцию. Ненависть людей естественным образом обратилась против предполагаемых отравителей – «поляков», случаи задержания которых приведены выше.

Слухи о холере сосуществовали, дополняли друг друга и конкурировали между собой, провоцируя панические настроения и агрессивное поведение людей¹¹. В первые дни холеры наиболее популярным был слух о том, что в больницах людей убивают. Именно этот слух об убийствах пациентов врачами стал главным в обосновании и разжигании холерных бунтов 21–22 июня.

Тема отравления до определенного момента мало проявляла себя, хотя уже 22 июня мы имеем зарегистрированный случай задержания «отравителя». В этот день толпой народа был задержан отставной полковник Пальховский по подозрению, что у него в сапоге спрятан яд [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 35 об.]. Свой шанс слух об отравлении получил, когда эпидемия усилилась, и люди стали массово уми-

⁷ В данной статье слухи понимаются в самом широком смысле этого слова – как совокупность высказываний на определенную важную для людей тему, сведенную к одному емкому тезису внешним наблюдателем [Shibutani, p. 8–17].

⁸ Страх отравления является довольно распространенной фобией в прошлом и настоящем. Подробнее см.: [Arnold, 2016; Nwokocha; Karferet].

⁹ Одна из версий этого слуха гласила, что цесаревич и фельдмаршал Дибич были отравлены графом А. Ф. Орловым [Карнович, с. 248–249].

¹⁰ Объявление датировано 20 июня.

¹¹ О значении слухов для формирования общественных настроений см.: [Чистов]. Образное осмысление эпидемии в массовой литературе (А. Орлов) и поэзии (М. Лермонтов) этого времени см.: [Ермоленко].

рать с симптомами, похожими на отравление. Июль и август 1831 г. прошли под знаком распространения подобных слухов¹² и поиска предполагаемых «отравителей»¹³.

Фактором усиления влияния слухов стала публикация медицинских рекомендаций по профилактике холеры. Рекомендации были изданы 23 июня 1831 г., на следующий день после беспорядков на Сенной площади и за день до начала массовой охоты на «отравителей». В них жителям предлагалось носить при себе с целью предохранения от холеры «скляночку с раствором хлориновой извести или с крепким уксусом, которым чаще потирать себе руки, около носа, виски и проч.; кроме сего, носить в кармане сухую хлориновую известь в полотняной сумочке» [Северная пчела, 1831, 23 июня].

Некоторые жители воспользовались этими рекомендациями, а в условиях роста числа заболевших и умерших, а также слухов об отравлениях появление на улицах города людей с бутылочками и порошками с неизвестным содержимым не могло не вызвать подозрений. Поимка же «отравителей» «с поличным» усиливала опасные слухи.

Возникновение практики предохранения и агрессивной реакции на нее подтверждается объявлением Петербургского военного генерал-губернатора от 25 июня:

Вчерашнего числа некоторые частные люди, большею частию из простого народа, вздумали останавливать, обыскивать и даже обижать разных прохожих по улицам, нюхавших уксус в стекляночках и хлориновые порошки в бумажках, под тем предлогом, будто они имели в сих стекляночках и бумажках яд, коим хотели отравить пищу и питье. <...> Ношение же при себе и нюхание уксуса и хлориновых порошков есть единственное предохранительное средство от заражения болезнию холерою [Северная пчела, 1831, 25 июня]¹⁴.

Действия толпы подогревались тем обстоятельством, что власти города не отметили с порога вероятность отравления, не задерживали тех, кто ловил и избивал подозреваемых в отравлении¹⁵. Практически ничего не известно о социальном составе этих «охотников», так как к ответственности их не привлекали. Уверенность охотников на «отравителей» в своей правоте могла быть подкреплена также и тем, что власти смягчили санитарный режим в столице [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 5 об.].

¹² О распространении слухов об отравлении в Центральной России летом 1831 г. см.: [Егоров].

¹³ Во время охоты на «отравителей» слух об убийствах пациентов врачами не исчез полностью, однако ведущим слухом он тогда уже не был.

¹⁴ Это объявление было повторено в номере от 26 июня. См.: [Северная пчела, 1831, 26 июня].

¹⁵ О единственном исключении см.: [РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346. Л. 41 об. –42].

В источниках есть основанные на слухах сообщения очевидцев, что народ для «решительного дела» не случайно выбрал именно 24 июня [Никитенко, с. 108; Пупарев, с. 76]. На 24 июня приходится церковный праздник Рождества Иоанна Крестителя, который в народных практиках сохранял черты дохристианского праздника Ивана Купалы¹⁶, сопровождавшегося ритуальной агрессией, «антиповедением» и поиском колдунов и ведьм [Виноградова, Толстая]. Можно предположить, что модели поведения, характерные для этого праздника, были использованы во время охоты на «отравителей» 24–25 июня. Иванов день создавал подходящие условия для превращения праздника в массовые беспорядки, хорошо изученного на западноевропейском материале¹⁷.

В воспоминаниях очевидцев сохранились описания происшествий. В одном случае люди заподозрили прохожего в том, что он оборотень, и пошли за дровами, вероятно, чтобы сжечь его [Селиванов, стб. 960–962], в другом – толпа поймала одного «порядочно одетого человека» и захотела утопить его «как отравителя» [Холера в Петербурге, с. 741]. Праздник, церковный и/или народный, вызвал скопления людей и состояние алкогольного опьянения части горожан. Об этом свидетельствует и сообщение Балабина от 25 июня о том, что «по случаю церковного праздника в Ямской слободе было там... вчера (то есть 24 июня. – А. Е.) большое стечение народа» [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 3].

Таким образом, движение больших масс людей по городу, усугублявшееся употреблением спиртного в праздничный день, сыграло большую роль в формировании нового образа поведения. Индивидуальные и коллективные перемещения людей по улицам, часто праздничные и бесцельные, легко могли вызвать в сознании обывателя подозрение, что именно эти бродящие по городу люди и отравляют воду и еду. Наличие у прохожих предохранительных жидкостей и порошков усиливало это подозрение. Одни зеваки стали ловить других. Образно говоря, толпа, взятая в целом, стала подозревать и ловить саму себя, выхватывая из своей же среды потенциальных жертв. Даже сами охотники за «отравителями», перемещающиеся по городу, могли восприниматься посторонним наблюдателем как потенциальные отравители.

Можно предположить, что власти тоже не сразу осознали опасность происходящего¹⁸. Охота на «отравителей» находилась в тени более заметных глаз событий на Сенной, имела место и недооценка

¹⁶ Согласно некоторым сведениям, праздник Ивана Купалы отмечался в Петербурге еще в середине XIX в. [Некрылова, с. 32].

¹⁷ См. об этом подробнее: [Чеканцева; Озуф; Guha].

¹⁸ Согласно неподтвержденному утверждению генерала Эйлера, исход сезонных рабочих из столицы, произошедший сразу после завершения июньских беспорядков, был вызван их принудительной высылкой по решению Николая I [Эйлер, с. 391]. Если эта версия верна, то решение властей о высылке можно объяснить именно недооценкой опасности ситуации.

событий 24–25 июня, так как действия охотников на «отравителей» не были направлены против представителей власти. Более того, подозреваемых в отравлении отдавали именно им, видимо, полагая, что помогают правительству в борьбе со злом¹⁹. Размытость насилия по всему городу, его ризоматический характер не позволяли сразу оценить потенциальную опасность события²⁰.

Холерные беспорядки в Петербурге следует разделять на два этапа, которые содержательно отличаются друг от друга. Первый этап – это собственно холерные бунты 21–22 июня 1831 года, вызванные слухами об убийствах врачами пациентов в больницах и проявившиеся в нападениях на больницы и медицинский персонал. События в Петербурге в июне 1831 года завершили первый этап холерных волнений в России, начавшийся осенью 1830 года и заключающийся в недоверии к медицине и противоэпидемическим мероприятиям, и начали второй этап, в котором главным объектом агрессии стали предполагаемые «отравители». Петербург стал для населения провинции источником слухов о холере и примером борьбы с врагами-«отравителями».

Второй этап волнений стал первым зарегистрированным источниками эпизодом холерной паники, охватившей Европейскую Россию летом 1831 г. Население в ней стало бояться в первую очередь «отравителей», «борьба» же с холерными больницами и врачами отошла на второй план, составляя малую долю эпизодов холерных беспорядков²¹.

Первенство Петербурга здесь неслучайно. После подавления холерных беспорядков начался исход из столицы многих тысяч сезонных рабочих²², которые стали распространять по ближним и дальним окрестностям города слухи о том, как православные смогли справиться с «врагами царя и народа»²³. «Информация» о событиях в Петербурге распространялась и другими способами, например, через почту²⁴. Среди таких слухов были и рассказы о врачах-убийцах, но они играли

¹⁹ Правда, полиции люди не доверяли и чаще отдавали подозреваемых в отравлении военным патрулям, а не полицейским чинам [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 4].

²⁰ Публичная реакция властей была запоздалой. Печатные объявления администрации от 24 июня касались событий 21–22 июня. И только на следующий день после начала охоты на «отравителей», 25 июня, было опубликовано объявление петербургского военного генерал-губернатора, посвященное этой теме [Северная пчела, 1831, 25 июня]. Это могло быть вызвано тем, что, возможно, власти даже 24 июня продолжали рассматривать как главный источник опасности именно Сенную площадь.

²¹ Беспорядки, вызванные недовольством противохолерными мероприятиями и врачами, имели место в России и после 24 июня, но их было мало в сравнении с многочисленными эпизодами охоты на «отравителей». О некоторых примерах таких беспорядков против медицины см.: [РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482. Л. 1; Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 437. Л. 1–4].

²² О количестве вышедших из Петербурга см.: [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15; ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45].

²³ О роли вышедших из Петербурга в провоцировании беспорядков см.: [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15, 17; Д. 555. Л. 4; Оп. 171. Д. 132. Л. 2; Д. 115. Л. 1, 3].

²⁴ О роли почты и писем в распространении слухов см.: [ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 499. Л. 1–8; Д. 442. Л. 1–8; Оп. 171. Д. 115. Л. 4].

второстепенную роль в провоцировании волнений. Кульминацией холерной паники и борьбы с «отравителями» стали кровавые бунты в военных поселениях Новгородской губернии, вызвавшие немалое беспокойство центральной власти [Шильдер, с. 613].

Библиографические ссылки

Барабанова К. С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144.

Визе Ш. Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск : Каменный пояс, 2011. С. 300–318.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Иван Купала // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М : Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 363–368.

ГАРФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 22, 359, 437, 442, 499, 555; Оп. 61. Д. 286; Оп. 170. Д. 214, 225; Оп. 171. Д. 115, 129, 132.

Гессен С. Холерные бунты (1830–1832). М. : Изд-во политкаторжан, 1932. 63 с.

Егоров А. К. В поисках «отравителей»: пути распространения слухов в Центральной России летом 1831 г. // Рос. история. 2022. № 2. С. 126–134. DOI 10.31857/S0869568722020121.

Ермоленко С. «Cholera-morbus» в Москве как литературная ситуация // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.

Жуковский В. А. Из письма В. А. Жуковского к принцессе Луизе Прусской : (О холерном возмущении в С.-Петербурге на Сенной площади) // Рус. архив. 1866. Вып. 3. Стб. 339–346.

Канищев В. В., Мещеряков Ю. В., Яковлев Е. В. Тамбовский бунт 1830 г. в контексте холерных кризисов в России XIX века. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2009. 345 с.

Каратыгин П. Холерный год. 1830–1831. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. 243 с.

Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. 296 с.

Колтенский В. Холерный бунт в 1892 году // Архив истории труда в России : [в 10 кн.]. Пг. : Госиздат, 1922. Кн. 3. С. 106–107.

Некрюлова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб. : Азбука-классика, 2004. 256 с.

Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 1. 542 с.

Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М. : Языки славян. культуры, 2003. 416 с.

Покровский В. И., Малеев В. В. Холера. Л. : Медицина, 1978. 232 с.

Пржецлавский О. А. Воспоминания. Очерки Петербургской жизни // Рус. старина. 1874. Т. 11. Дек. С. 665–698.

Пунарев А. Г. Холерный месяц в С.-Петербурге // Рус. старина. 1885. Т. 47. Июль. С. 69–86.

РГВИА. Ф. 36. Оп. 2. Д. 346.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482; Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20.

Рюде Д. Народные низы в истории. 1730–1848. М. : Прогресс, 1984. 318 с.

Северная пчела. 1831. 22, 23, 25, 26 июня.

Селиванов И. В. Холера в Петербурге в 1831 году (рассказ очевидца) // Рус. архив. 1868. Вып. 6. Стб. 958–962.

Ховен фан дер И. Р. Холера в С.-Петербурге в 1831 году. Рассказ современника и очевидца // Рус. старина. 1884. Т. 44, № 11. Ноябрь. С. 391–400.

Холера в Петербурге в 1830 г. Рассказ очевидца // Рус. старина. 1892. Т. 75, № 9. Сент. С. 738–742.

- ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979.
- Чеканцева З. А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. Новосибирск : Изд-во НПГУ, 1996. 238 с.
- Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
- Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование : в 2 т. СПб. : А. С. Суворин, 1903. Т. 2. 820 с.
- Эйлер А. А. Записки // Рус. архив. 1880. Кн. 2. С. 333–399.
- Arnold D. Touching the Body: Perspectives on the Indian Plague, 1896–1900 // Selected Subaltern Studies. Delhi : Oxford Univ. Press, 1988. P. 391–426.
- Arnold D. The Poison Panics of British India // Anxieties, Fear and Panic in Colonial Settings. Houndmills : Palgrave Macmillan, 2016. P. 49–71. DOI 10.1007/978-3-319-45136-7_3.
- Burrell S., Gill G. The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Distrust and Civil Unrest // J. of the History of Medicine and Allied Sciences. 2005. Vol. 60, № 4. P. 478–498. DOI 10.1093/jhmas/jri061.
- Evans R. J. Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteen-Century Europe // Past and Present. 1988. Vol. 120, № 1. P. 123–146. DOI 10.1093/past/120.1.123.
- Guha R. Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India. Delhi : Oxford Univ. Press, 1986. 384 p.
- Kapferer J. N. A Mass Poisoning Rumor in Europe // The Public Opinion Quarterly. 1989. Vol. 53, № 4. P. 467–481. DOI 10.1086/269167.
- McGrew R. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
- Nwokocho K. U. Nkpa. Rumors of Mass Poisoning in Biafra // The Public Opinion Quarterly. 1977. Vol. 41, № 3. P. 332–346. DOI 10.1086/268391.
- Shibutani T. Improvised News. A Sociological Study of Rumor. Indianapolis : The Bobbs-Merrill Co., 1966. 262 p.

References

- Arnold, D. (1988). Touching the Body: Perspectives on the Indian Plague, 1896–1900. In *Selected Subaltern Studies*. Delhi, Oxford Univ. Press, pp. 391–426.
- Arnold, D. (2016). The Poison Panics of British India. In *Anxieties, Fear and Panic in Colonial Settings*. Houndmills, Palgrave Macmillan, pp. 49–71. DOI 10.1007/978-3-319-45136-7_3.
- Barabanova, K. S. (2014). Pervaya kholera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivoepidemicheskie meropriyatiya i otnoshenie k nim gorozhan [The First Cholera Outbreak in St Petersburg in 1831: Anti-Epidemic Measures and the Attitude of the Townspeople Towards Them]. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. No. 12, pp. 130–144.
- Burrell, S., Gill, G. (2005). The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection – Medical Distrust and Civil Unrest. In *J. of the History of Medicine and Allied Sciences*. Vol. 60. No. 4, pp. 478–498. DOI 10.1093/jhmas/jri061.
- Chekantseva, Z. A. (1996). *Poryadok i besporyadok. Protestuyushchaya tolpa vo Frantsii mezhdou Fronдой i revolyutsiei* [Order and Disorder. Protesting Mob in France between the Fronde and the Revolution]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 238 p.
- Chistov, K. V. (1967). *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian Popular Social Utopian Legends of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Nauka. 341 p.
- Egorov, A. K. (2022). V poiskakh “otravitelei”: puti rasprostraneniya slukhov v Tsentral'noi Rossii letom 1831 g. [In Search of “Poisoners”: The Ways of Rumor Transmission in Central Russia in the Summer of 1831]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 126–134. DOI 10.31857/S0869568722020121.

- Eiler, A. A. (1880). Zapiski [Memoirs]. In *Russkii arkhiv*. Book 2, pp. 333–399.
- Ermolenko, S. (2023). “Cholera-morbus» v Moskve kak literaturnaya situatsiya [“Cholera Morbus” in Moscow as a Literary Situation]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 1, pp. 34–51. DOI 10.15826/qr.2023.1.774.
- Evans, R. J. (1988). Epidemics and Revolutions: Cholera in Nineteen-Century Europe. In *Past and Present*. Vol. 120. No. 1, pp. 123–146. DOI 10.1093/past/120.1.123.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 109. List 6. Dos. 22, 359, 437, 442, 499, 555; List 61. Dos. 286; List 170. Dos. 214, 225; List 171. Dos. 115, 129, 132.
- Gessen, S. (1932). *Kholernye bunty (1830–1832)* [Cholera Riots of 1830–1832]. Moscow, Izdatel'stvo politkatorzhan. 63 p.
- Guha, R. (1986). *Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India*. Delhi, Oxford Univ. Press. 384 p.
- Howen von der, I. R. (1884). Kholera v S.-Peterburge v 1831 godu. Rasskaz sovremennika i ochevidtsa [Cholera in Petersburg in 1831. The Account of a Contemporary and Eyewitness]. In *Russkaya starina*. Vol. 44, No. 11. November, pp. 391–400.
- Kanishchev, V. V., Meshcheryakov, Yu. V., Yakovlev, E. V. (2009). *Tambovskii bunt 1830 g. v kontekste kholernykh krizisov v Rossii XIX veka* [The Tambov Riot of 1830 in the Context of Russian Cholera Crises of the 19th Century]. Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. 345 p.
- Kapferer, J. N. (1989). A Mass Poisoning Rumor in Europe. In *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 53. No. 4, pp. 467–481. DOI 10.1086/269167.
- Karatygin, P. (1887). *Kholernyi god. 1830–1831* [The Cholera Year. 1830–1831]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 243 p.
- Karnovich, E. P. (1899). *Tsesarevich Konstantin Pavlovich* [Grand Duke Konstantin Pavlovich]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 296 p.
- Kholera v Peterburge v 1830 g. Rasskaz ochevidtsa [Cholera in Petersburg in 1830. The Account of an Eyewitness]. (1892). In *Russkaya starina*. Vol. 75. No. 9. September, pp. 738–742.
- Kolpensky, V. (1922). Kholernyi bunt v 1892 godu [The Cholera Riot of 1892]. In *Arkhiv istorii truda v Rossii v 10 kn.* Petrograd, Gosizdat. Book 3, pp. 106–107.
- McGrew, R. (1965). *Russia and the Cholera, 1823–1832*. Madison, Univ. of Wisconsin Press. 229 p.
- Nekrylova, A. F. (2004). *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha. Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian Popular Town Festivals, Amusement and Entertainment. Late 18th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Azbuka-klassika. 256 p.
- Nikitenko, A. V. (1955) *Dnevnik v 3 t.* [The Diary. 3 Vols.]. Moscow, Goslitzdat. Vol. 1. 542 p.
- Nwokocha, K. U. Nkpa (1977). Rumors of Mass Poisoning in Biafra. In *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 41. No. 3, pp. 332–346. DOI 10.1086/268391.
- Ozuf, M. (2003) *Revolutsionnyi prazdnik: 1789–1799* [The Revolutionary Festival: 1789–1799]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 416 p.
- Pokrovsky, V. I., Maleev, V. V. (1978). *Kholera* [Cholera]. Leningrad, Meditsina. 232 p.
- Przhetslavskii, O. A. (1874). Vospominaniya. Ocherki Peterburgskoi zhizni [The Recollections. Essays of Petersburg Life]. In *Russkaya starina*. Vol. 11. December, pp. 665–698.
- Puparev, A. G. (1885). Kholernyi mesyats v S.-Peterburge [The Cholera Month in Petersburg]. In *Russkaya starina*. Vol. 47. July, pp. 69–86.
- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1286. List 5. Dos. 482; Stock 1345. List 106. Dos 20.
- RGVIA [Russian State Military Historical Archives]. Stock 36. List 2. Dos. 346.
- Rude, G (1984). *Narodnye nizy v istorii. 1730–1848*. [The Crowd in History. 1730–1848]. Moscow, Progress. 318 p.
- Selivanov, I. V (1868). Kholera v Peterburge v 1831 godu (rasskaz ochevidtsa) [Cholera in St Petersburg in 1831 (an Eyewitness Account)]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 6, columns 958–962.
- Severnaya pchela* [Severnaya pchela]. (1831). June 22, 23, 25, 26.
- Shibutani, T. (1966). *Improvised News. A Sociological Study of Rumor*. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Co. 262 p.

Shil'der, N. K. (1903). *Imperator Nikolai Pervyi. Ego zhizn' i tsarstvovanie v 2 t.* [Emperor Nicholas the First. His Life and Reign. 2 Vols.]. St Petersburg, A. S. Suvorin. Vol. 2. 820 p.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 536. List 9. Dos. 979.

Vinogradova, L. N., Tolstaya, S. M. (1999). Ivan Kupala [Ivan Kupala]. In Tolstoy, N. I. (Ed.). *Slavyanskie drevnosti. Ėtnolingvisticheski slovar' v 5 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 2, pp. 363–368.

Wiese, S. (2011). Slukhi i nasilie: kholernye bunty v Saratove v 1892 g. [Rumors and Violence: Saratov Cholera Riots in 1892]. In *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naya kommunikatsiya i "krutye povoroty" rossiiskoi istorii.* Chelyabinsk, Kamennyi poyas, pp. 300–318.

Zhukovsky, V. A. (1866). Iz pis'ma V. A. Zhukovskogo k printsesse Luize Prusskoi. (O kholernom vozmushchenii v S.-Peterburge na Sennoi ploshchadi) [From a Letter by V. A. Zhukovsky to Princess Louise of Prussia. (On a Cholera Riot in St Petersburg on Sennaya Square)]. In *Russkii arkhiv.* Iss. 3, columns 339–346.

The article was submitted on 15.12.2021